

Предупреждение от автора: Во второй половине главы присутствуют сцены сексуального характера, пожалуйста, обратите на это внимание.

Оставив позади торжественный зал, я пришёл в свою комнату и просто рухнул на диван. Выпив два стакана воды, которые мне налил Альфред, я, наконец, почувствовал, что возвращаюсь к жизни. И возрождаюсь. Никогда не думал, что вода такая вкусная. Казалось, она растеклась по всему телу. Наполовину выпив третий стакан, я выдохнул.

— Пха-а... я снова... жив...

Видимо, у меня было небольшое... обезвоживание. Кстати говоря, у дедушки я сделал только глоток чая и съел одну конфетку. На обезвоживание наложился голод, и крепкий алкоголь сверху явно был лишним. Конечно, мне стало бы плохо. Естественно. Полный провал.

Альфред, поставивший кувшин на стол, посмотрел на меня сверху вниз, как на не слишком умного, и нарочно тяжело выдохнул.

— Тебе... нужно пить достаточно воды.

— Не мог я пить! Потому что постоянно кто-то подходил поговорить, без перерыва!

Вот поэтому я и не любил праздники, на которых полно народу. Не получалось ни поесть нормально, ни попить, потому что постоянно кто-то отвлекал разговорами. Ну, была большая вероятность, что я попросту не привык. Я никак не мог подобрать правильное время, чтобы перекусить.

Фрукты и орехи для гостей подавались горой на одном большом блюде, стоявшем на столе, и мы вдвоем их ели. Даже забавно, что передо мной было столько великолепных угощений и сладостей, но я объелся одними фруктами и орехами. Ещё было какое-то дорогое на вид вино, так что его я тоже открыл. Оно оказалось действительно вкусным.

Послышалась ритмичная музыка. Она шла от торжественного зала.

— А... Начались танцы.

— Танцы?

— Ага. После того как заканчиваются разговоры, наступает время танцев. Все танцуют.

— Танцуют?

— Танцуют. Это сложно. Нужно постоянно только танцевать.

Высшие классы довольно агрессивны, когда дело доходит до развлечений. Я не мог за ними угнаться.

— Ясно. Это сложно...

Он смеялся. Не над чем тут смеяться.

— Нечего смеяться! Однажды и тебе придётся!

— Вот как? Я так не думаю...

— Придётся когда-нибудь... наверное! Ты, что, не умеешь танцевать?!

— Я никогда этого не делал.

— Что?! Так не пойдет! Иди! Я тебя научу!

Что значило, что будущий Герой не умел танцевать? Он должен быть на высоте везде, куда бы его ни занесло, так что я научу его. Это моя миссия.

— Мне и так нормально.

— Не нормально! У тебя же проблемы будут!

— Нет, не думаю, что у меня будут какие-то проблемы... — я потянул его за руки, и тот с видом «ничего не поделаешь» поднялся с дивана.

Я взял его за руки, левую положив себе на талию, а правую подняв в своей руке вверх. Свою свободную правую руку я положил ему на плечо. Основная позиция безусловно выглядела так.

— Эм-м-м. Под такую музыку... как там было...

— Что значит «эм-м-м»? Ты в порядке?

— Замолкни! В порядке я! Лоэндель меня всему научил! Всё безупречно!

«...если не понимаете, подстраивайтесь под других танцующих, и всё получится», — поделился секретом Лоэндель, щегольски подмигивая, во время моего обучения.

И всё-таки, что ни говори, это был Будущий Герой. Учился просто на удивление быстро. Я остро ощутил разницу в способностях между нами.

— Ай.

— Ах, я наступил. Прости, прости.

Я задумался и наступил ему на ногу. Ну, он покрепче меня, так что с ним всё будет нормально. Даже если я по нему немного потопчусь.

— Ты... Не считаешь, что виноват, так ведь?

— Дума-... Ува-а!..

Меня внезапно развернуло, и ноги оторвались от земли. Я так удивился, когда он с легкостью подхватил меня и закружил, что рассмеялся от его дурацкой непомерной силы. А ещё было смешно оказаться в воздухе.

— Аха... ха-ха!.. Как обычно, твоя дурацкая силища...

Он тоже рассмеялся.

— Наконец-то улыбнулся...

— А?

— У тебя сегодня весь день такое уставшее выражение лица.

— Д-да?

— Ага.

Так и было? Я даже не замечал. Просто устал да устал. Да ещё и это...

В какой-то момент мелодия изменилась на более спокойную.

— Музыка поменялась. Под эту песню танцуют так же, как под прошлую?

— Альфред...

— М?

— Предложение Люзе... Ты его примешь?

Я должен был спросить. Но даже если примет, меня это не будет волновать или беспокоить. Там же можно будет легко заработать неплохие деньги, просто развлекая Люзе. А работать на меня опасно, придётся сражаться с монстрами. И выполнять много физической работы. Ничего легкого. Альфред опустил меня на пол и посмотрел сверху-вниз. Затем на его лице расплзлась немного подлая ухмылка.

— Хочешь, чтобы я его принял?

— М-мне всё равно... Решать тебе. У Люзе лёгкая работа — просто развлекать её. Работать на меня... это тяжёло. Есть и определённая опасность. Там лёгкая работа, и заплатить она обещала больше, чем я. Так что...

— Я могу оставить тебя и уйти туда?

— Э-это... это... Если ты захочешь...

Я ведь не мог решить за него.

— Хм... тогда это нормально, если я уйду?

— Д-... Да... Делай, что хочешь...

— Хм...

Наступила тишина. Пока я ждал ответа, снова замолчавший Альфред состроил немного раздражённое лицо, а потом вздохнул.

— Я не пойду... Всё равно я взялся за твою работу не из-за денег.

— Что?

— Так мы можем проводить время вместе, верно? Вот так.

— Ува-а!

Меня снова подняли, и мои ноги оказались в воздухе. Так как я чувствовал себя крайне неустойчиво, мне пришлось схватиться за его плечи. Лицо, внезапно оказавшееся слишком близко, радостно шурилось. Предупреждать надо о таких неожиданных атаках. Альфред снова вздохнул и виновато улыбнулся.

— Не плачь... Серьёзно, ты постоянно плачешь.

— Не плачу! — Именно, я ещё не заплакал. Чуть не заревел, но мне удалось сдержаться.

— Вот как. Знаешь, если ты собираешься постоянно уходить из дома, чтобы побывать в церкви, почему бы просто не снять комнату у господина Чедда?

— У господина Чедда?..

— Ага. Тогда тройняшки... и я тоже, будем рады. Как тебе?

Я чуть не ляпнул «согласен», но успел вовремя прикусить язык.

— Лиан?

— Когда-нибудь...

Если смогу пережить тот день. Сейчас я не мог. Но если я как-нибудь смогу пережить тот день. Если смогу спасти жителей той тихой деревни.

— Было бы здорово... Когда-нибудь... Когда я покину этот особняк и стану просто «собой»... работать на ранчо было бы не так уж плохо.

Верно. Когда-нибудь мне больше не нужно будет изображать «Лиана» и я смогу быть самим собой.

Тогда...

— Точно. Ещё лучше полностью поменяю имя. Оставлю «Лиана Оуэна». Было бы неплохо. Именно! Если я буду жить у господина Чедда... и у меня больше не будет фамилии Оуэн, тогда я смогу взять фамилию Чедд.

— Лиан...

Альфред нахмурился и посмотрел на меня с таким выражением лица, словно ему было и любопытно, и в то же время он хотел что-то сказать. Прежде чем меня начали расспрашивать, я натянул на лицо привычную фальшивую улыбочку. Пусть думает, что это просто шутка.

— Имя... над ним нужно как следует подумать. Ты тоже можешь в этом поучаствовать. Если придумаешь хорошее, я возьму его. Так, я хочу крутое и сильное имя. Такое, чтобы не имело себе равных. Какое бы это могло быть? Похожее на «Горгондо»...

— Фамилия будет Фрам. Не Чедд.

— Фра-...

О чем говорил этот парень?..

Это. Это...

— Дурак...

— Почему это дурак? Я серьёзно.

Серьёзно?

— Это ещё хуже! Я всегда думал, что ты балбес, но чтобы до такой степени...

Мне заткнули рот. Поцелуй был настолько глубокий, что я ничего не мог сказать. А Альфред шёл, неся меня на руках. Когда я пришёл в себя, то уже лежал спиной на кровати. Он навис сверху, и трепещущие глаза цвета индиго смотрели на меня. Пальцы пригладили мне чёлку и легко прошлись по щекам.

— Когда...

Заколка, крепившаяся к волосам, больно впилась в кожу.

— Заколка впивается, больно! Подожди, я её сниму...

Когда я протянул руку, блондин уже дотянулся первым и снял зажим. Потом серьги и подвес на шее. Положив их на тумбочку, он коснулся моей шеи. И улыбнулся.

— Кожа всё ещё немного красная. Здесь.

— Э-это потому что ты!..

Он лизнул след от укуса, и у меня перехватило дыхание.

— Ах... Альфред... Подожди...

У меня... было плохое предчувствие. Трепещущие глаза цвета индиго будто в душу смотрели.

— Хочу коснуться... Эй... Нельзя? Совсем чуть-чуть же можно...

— Не тро-...

— Совсем немного...

— Немного...

— Ты тоже можешь прикоснуться...

Он схватил мои руки и приложил к своим щекам. Кожа была гладкой и теплой. Упругая и эластичная, и ее явно не так легко поранить, как мою тонкую и изнеженную. Может, дело было в наследственности, но вот же паразит! Давай меняться.

Ударившаяся друг о друга обувь породила довольно сильный шум. Альфред поднялся, сбросил свои сапоги и снял ботинки с меня. Затем он отстегнул крепившееся на нём оружие, грубым движением бросил куртку на пол, расстегнул рубашку и вновь навис надо мной.

— А...

Перед моими глазами закачался кулон, висевший на шее парня и выскользнувший из расстегнутого ворота.

— Ты всё ещё... носишь его...

Этот амулет я дал ему давным-давно. К тонкому прочному кожаному ремешку крепился вытянутый прозрачный кристалл, размером с большой палец, на поверхности которого было выгравировано заклинание. Если сжать его верхушку и произнести активирующую фразу «Сияй!», он будет излучать белый свет, который так ненавидят демоны. Теперь уменьшенная модель массово производилась для распространения среди жителей деревни. Испускаемый свет тоже стал сильнее, поэтому он в некоторой степени слепил.

Поскольку самостоятельно сделать амулеты для всех деревенских жителей было действительно

сложно, я заказал в магической лавке их изготовление по схеме. Конечно, за свой счет. Потому что не мог никого посвятить в то, как давно я этим занимаюсь. И так как причины трудно объяснить, от расходов тоже трудно избавиться. На днях все заказы пришли готовыми, так что я планировал раздать их вместе с картой мест эвакуации и маршрутом отхода из деревни.

Я был так рад, что он сохранил его, и испытывал легкую ностальгию, так что потянулся к шее блондина, чтобы коснуться кулона, но тот внезапно снял его с шеи, вытащил из моей руки и положил на тумбу. Альфред снова схватил меня за руки и положил их себе на шею.

— Прикоснись ко мне... — сказал немного обиженно. Глупый ты. Нет, правда.

Это уже тело сложившегося юноши. Мышцы стали крепче и находились там, где им и положено быть. Полностью отличалось от моего всё ещё тонкого и subtilного тела. И довольно сильно отличалось... Может быть, дело в том, что хотя я продолжал тренироваться, у меня всё ещё оставалось много бумажной работы, а он каждодневно занимался физическим трудом.

— Везёт... Я завидую...

— Завидуешь?

— Угу. Сразу видно, что у тебя сильное тело. А у меня...

Я отвлекся, и моя рубашка оказалась открыта нараспашку. Как-то слишком быстро!

Большие руки прошли по слишком белой коже.

— Ах...

Шершавая подушечка пальца слегка царапнула кожу, и по всему телу пробежала нехорошая дрожь. Дыхание невольно сбилось.

— Прикоснись... — прошептал он, и я заметил, что мои руки остановились.

Я положил их ему на плечи и попытался повторить чужие прикосновения. Как всегда, температура его тела была выше моей. Не помню уже когда, но когда я смеясь сказал, что у малышей такая же, он разозлился. Когда я прикоснулся к области сердца, быстрое сердцебиение передалось через мою ладонь.

...не то чтобы это было неожиданно. Хоть я и не скажу об этом, но ничем не отличаюсь от Альфреда. Я тоже хотел прикоснуться к нему. Потому что он был таким теплым. Прямо до

слёз. Тёплый и нежный. Когда он касался меня, я чувствовал себя невероятно расслабленным, силы покидали моё тело, и на душе становилось легко.

Настолько, что я бы хотел, чтобы он прикасался ко мне всегда... от неожиданности я подскочил. Большая рука проникла в нижнее бельё и осторожно огладила область паха.

— Ах... П-подожди... Нет...

Пальцы нежно прошлись по моей плоти.

— Ува-а!

Я рефлекторно попытался сдвинуть ноги, закрывая доступ к промежности, но Альфред уже устроился между ног, не позволяя им сомкнуться.

— Только немного.

— Ах... нем... ного...

— Ты тоже можешь потрогать мой, если хочешь.

Сказав это, он расстегнул брюки и схватил меня за руку, направив её туда. Я никогда не касался чужого члена. Не касался, но ничего не мог поделать с тем, что не мог отвести взгляда от члена Альфреда. Я робко прикоснулся к тому, к чему меня направляли, дрожащей рукой. Даже через ткань ощущалось, каким член был твердым и горячим.

— Горячий...

Когда я кончиками пальцев прошёлся от кромки белья вниз, то понял, что чужой орган больше моего. Почему так? Разница в телосложении проявлялась даже здесь? Я это предполагал, но всё равно чуть удивился. Альфред тихо застонал.

— Плохо...

— Плохо?

— Слишком приятно, я могу кончить прямо сейчас...

Это уж слишком быстро. Сколько же он сдерживался?

— Ува-а...

Меня с легкостью подняли одной рукой и усадили верхом на колени.

— Шея. Обхвати её одной рукой. И прикоснись к нему ещё...

Как мне и было сказано, я обхватил партнера за шею рукой, не давая себе завалиться назад.

— А... Ах!..

Мое нижнее белье оказалось стянуто, а вставший член был обхвачен большой теплой рукой и с нажимом оглажен. У меня перехватило дыхание от того, насколько это было приятно. Чем дольше меня гладили, тем тверже становился мой член, от удовольствия хотелось плакать. Из-за выделившейся на головке смазки скольжение стало проще и движения стали размашистее. От ощущений между бедер по телу прошли дрожь и онемение.

— Прикоснись... К моему тоже...

— Ах...

Он высвободил собственную плоть и, схватив мою обессиленную руку, снова направил туда. Я побаивался касаться того, к чему меня вели... но все же возложил на него дрожащую руку. Чужой член был горячим, твердым и уже влажным. Как только я сжал его, парень низко простонал. Я напрямую прикасался к плоти и чувствовал, как она пульсировала. Стоило мне с нажимом провести пальцами снизу вверх, и блондин вздрогнул, горячо застонав.

Похоже, ему было приятно. Почему-то я был очень счастлив... и подумал, что я совсем пропал. Он так возбудился от моих прикосновений. Я был невероятно счастлив от того, что он хотел меня. Когда рука парня снова начала свободно скользить по моей плоти, у меня опять сбилось дыхание и прошибло дрожью. Учитывая, насколько близко были наши лица, я подумал, что это наверняка случится. Как и ожидалось, он впился в мои губы. Поцелуй был таким глубоким, что на какое-то время мне просто стало нечем дышать.

— Мн... Угх... Ха...

Чужие влажные губы растянулись в улыбке.

— Лиан. Рука. Она остановилась...

Большая рука накрыла мою, побуждая начать движение. Когда он прошептал, что хочет, чтобы я ей двигал, я попробовал погладить его там, где было приятно мне самому. Блондин жарко выдохнул. Глаза насыщенного цвета индиго сузились от удовольствия, и мой член тоже

потерли. Слишком сильно, и я двинул бедрами, пытаюсь отодвинуться. Тут же другая его рука прижала меня со спины, не позволяя сбежать.

— Уах... Ст... А-ах... Стой... Хва... Ах... Слишком... Сильно!..

Он продолжил с нажимом потирать головку, и я раньше времени кончил. Из-за сбивчивого дыхания я не мог нормально вдохнуть, задыхаясь. Альфред накрыл мою руку своей большой ладонью, приложив нашу плоть друг к другу, а затем несколько раз огладил их вместе... и кончил, низко застонав. Выплеснувшаяся сперма попала и на меня и на него, медленно стекая по коже. И я не подумал, что это мерзко. Наоборот, это было так приятно и мне так понравилось, что хотелось заплакать.

Альфред дышал так же тяжело, как я, и улыбался — горящими, трепещущими синими глазами. Потом облизал мне подбородок, шею и грудь. Собирал языком капли. Моей спермы. Осознав это, я ощутил, как по спине прошла волна дрожи и онемения. А-а-а, я совсем пропал. Я ничего не мог с этим поделать, меня волной накрыло пьянящее и пугающее чувство эйфории, голова просто шла кругом. Из любопытства я, повторяя за Альфредом, слизнул белую штуку у него с груди. Неожиданно, его тело вздрогнуло.

— Лиа-...

— Не очень понял... На вкус похоже на алкоголь...

Парень, подавившись вздохом, глухо прорычал, как зверь.

— Ва-а!

Меня уронили и укусили за губу. Потом за шею и горло. Дыша ещё тяжелее, чем я, он снова прикусил меня за губу, следом проникая языком мне в рот. Так как дышать было нечем, я пихнул его в грудь, и у него не осталось выбора, кроме как оторваться от меня. Следом за его губами потянулась ниточка слюны, и Альфред слизнул её. Как будто съел что-то вкусное.

— Эй... ещё немножко, можно? — всё ещё тяжело дыша, глядя на меня трепещущими синими глазами, спросил он.

Ещё немножко... Я задумался, сомневаясь, что выбрать, и он дразняще чмокнул меня в губы.

— Ах...

Чужой член толкнулся мне в бедро, и я, даже не глядя, знал, что он уже был твёрдым и горячим. Скорее всего, просто так он уже не успокоится. А ведь кончил только что.

— Ты...

— Это потому... что я столько терпел...

Он несколько раз лизнул меня в подбородок и щеку — сдержанно и в то же время неловко. Как пёс, который напрашивался на то, чтобы его похвалили. Здоровенный золотистый пёс, который по-прежнему продолжал меня слушаться... Если бы я сказал, что мне не нравится, думаю, он тут же остановился бы с грустным лицом. И всё же, невыносимо горячие большие руки продолжали поглаживать мои бока и спину. Ласкающие кожу руки были нежными, слишком нежными, а медленные поглаживания были настолько приятны, что я с трудом подавил невольно вырывающийся громкий стон.

Я тоже пробежался легкими прикосновениями по его рукам, огладив пальцы и кисти рук. Вместо того, чтобы хвататься, я прочертил руками путь до самого верха, нежно касаясь кожи. Даже через ткань рубашки я понимал, что кожа парня становилась горячее. Когда я добрался до плеч, я опустил руки на оголенную кожу — и, как и думал, она действительно оказалась горячей. Щеки Альфреда слегка покраснели, а голубые глаза радостно жмурились. Похоже... он был счастлив. Так же, как и я. Когда он прикасался ко мне, я был так счастлив, что готов плакать...

— Можно?..

Мои губы снова мягко накрыли, и я забыл обо всём. Руки, ласкавшие меня повсюду, были теплыми и нежными... хотелось заплакать... и захотелось ещё чуть дольше чувствовать эти нежные прикосновения.

— Только... немного...

Прикоснись ко мне. Я хочу этого. Твоими тёплыми руками.

— Понял, — раздался счастливый ответ, и поцелуй был нежным до слёз.

Прежде гладившие мою спину руки вскоре приподняли мои бедра, Альфред прижался пахом к паху, и с силой потираясь своим членом о мой, имитируя толчки. Словно пытаюсь поделиться со мной жаром, что сжигал его.

— А... не... ах!..

Ставшая очень чувствительной, плоть реагировала даже на самый незначительный стимул, тут же начиная твердеть и становясь горячей. Мне почему-то стало немного страшно, и я попытался отстраниться, цепляясь руками за простыни, но мне не дали этого сделать, схватив за талию и тут же вернув назад.

— Лиан...

Он позвал меня по имени, как бы говоря, что всё в порядке, покрывая легкими поцелуями лицо, грудь и плечи, и я расслабился. Влажная кожа прилегала к коже, горячие твердые члены терлись друг о друга, время от времени задевая наши животы. От этого жара у меня кружилась голова. Несколько раз погладив меня, большая рука сжала наши органы вместе, с силой прижимая друг к другу, потирая головку большим пальцем.

— Ах... Уаа... А-а-ах!

От бедер по всему телу прошла сильная волна онемения, а в голове стало пусто. Друг за другом по коже потекли белесые потёки. Спину поглаживали большие, тёплые руки, и мне было так хорошо и легко. Мне было так приятно, что я тоже заскользил руками по спине Альфреда.

Рука, лежавшая на моей спине, вздрогнула. После чего меня поцеловали в макушку, и послышался легкий вздох удовольствия. Я не видел лица, потому что Альфред спрятал его у моей макушки, но уверен, что он тоже был счастлив. Как и я.

Я был так доволен, и мне хотелось касаться его ещё больше, так что я попытался охватить руками его тёплую, широкую спину. Возможно, он подумал о том же, потому что меня обняли и крепко прижали к себе. Солнечный аромат стал ещё сильнее, заполняя мне лёгкие, оставляя какое-то воздушное чувство... и, успокоившись, я закрыл глаза.

...Сила алкоголя просто ужасала. К лучшему или к худшему, но выпивка срывала все замки, сдувала рассудительность и выпускала на волю то, что было скрыто. Это ужасно. Дьявольский напиток. В будущем мне нужно быть осмотрительнее.

Проснувшись утром, я вспомнил, как отвратительно себя вёл вчера... и мне сразу же захотелось хорошенько ударить по белобрысой голове, заставить сесть на колени этого паразита и прочитать нотацию.

Добавлю-ка я вчерашний вечер в список вещей, которых не происходило, да, так и сделаю. Этого не было. Не было. Мы ничего не делали. Никаких «Хочу больше прикоснуться к нему», никаких «Хочу, чтобы он прикасался ко мне» или «Хочу, чтобы это не кончалось»... А-А-А-А-А-А-А-А, бли-и-ин!

Возьми себя в руки! Нужно вернуть способность мыслить здраво! Приди в себя!

Э-это всё ещё было безопасно. На самом краю. Дрочка друг другу ведь ещё оставалась в пределах безопасного. Наверное... Поэтому то, что было прошлой ночью, должно быть стерто для него. Это был просто сон. Я должен сделать вид, что всё именно так. Сейчас... пока ещё.

И для меня... и для него. Просто у каждого накопилось... и вот как всё обернулось.

Когда я проснулся, кровать... и я были совершенно чистыми, а Альфред уже проснулся и успел собраться. А ещё я снова был голым. Этот ублюдок... нет, спасибо ему, что снял с меня грязную одежду и привел её в порядок, а вот причину, по которой она была испачкана, нужно было стереть из памяти. Я благодарен. Однако. Это одно, а то другое. По крайней мере, хоть что-то на меня мог бы надеть!

Если бы ты это сделал, то шок утром, возможно, был бы хоть немного меньше! Нет, серьёзно, на мне не осталось ни единого места, которое он бы не видел! Чёрт!

Я буду плакать.

Поняв, что я проснулся, блондин с невероятно счастливым выражением лица подбежал к кровати и внезапно меня поцеловал. Да ты и правда в последнее время забыл об осторожности, знаешь ли! Поцелуй становился всё глубже, поэтому мне пришлось треснуть его по голове, чтобы он остановился. Руки, которые нельзя было оставлять без присмотра, прекратили свои поползновения, стоило его поколотить.

После чего в мыслях я поклялся самым дорогим, что в будущем постараюсь столько не пить.

Много чего произошло, но праздник дедушки благополучно завершился.

По дороге домой, до самого особняка, брат Лиана в карете безостановочно жаловался, что я ушёл, ничего не сказав, а он с таким нетерпением ждал возможности потанцевать со мной (Вообще-то я на выходе предупредил слуг, что ухожу! А ещё я был рад, что танцевать всё-таки не пришлось). Люзе, когда уезжала, в сердцах заявила: «И почему все так любят малыша Лиана? Уступи мне хоть одного! Терпеть тебя не могу! Эти бесполезные длиннющие ресницы! Не понятно даже, парень ты или девушка, что вообще хорошего?!». Похоже, без парочки оскорблений обойтись она просто не могла. То, что я получил от дедушки карманные деньги, — это было хорошо, но к ним в довесок шли заколка и серьги с маленькими цветами и синей птичкой, огромная коробка разнообразных сладостей, которую были вынуждены держать сразу два человека, и даже здоровенный букет, который я еле мог удержать в руках. Слов у меня от такой щедрости не осталось.

Ещё над многим нужно было подумать, но всё закончилось — и на том спасибо.

Эту огромную сумму денег, полученную ценой сердечных страданий и боли в желудке, я использую максимально эффективно.

Как обычно, попивая чай в церкви с Мари во время перерыва, я вздохнул. На столе лежало подаренное печенье — маленькие бобы в тесте, хрустящие, жёсткие и очень вкусные. Полученные от деда сладости я пожертвовал церкви. В одиночку я бы это всё не съел, а позволить им испортиться было очень расточительным решением. Если плохо обращаться с

едой, то тебя постигнет кара. Вместе с кулаками дедули. Примерно десятую часть сладостей я отправил на ферму Чедда, чтобы угостить тройняшек и в благодарность супружеской паре. И даже так получилось довольно много. Они были очень благодарны.

Мари слегка склонила голову.

— Что-то случилось, господин Лиан? Вы постоянно вздыхаете.

— Нет... Просто выпить чашечку чая с госпожой Мари — мой любимый способ расслабиться. Так хорошо...

— Ох! Хе-хе, я так рада. Мне тоже очень весело вот так пить чай, разговаривая с господином Лианом.

— В-верно! М-мне тоже весело... В это время я будто исцеляюсь.

— Божечки. И у меня так же.

Яблочного цвета щеки Мари приподнялись от радостного смеха, я тоже улыбнулся.

В саду весело бегала малышня. Недавно в церкви появилось... ещё трое новых сирот. Мари с радостью принимала всех детей, которых приводили сюда. Всё, как и говорил Альфред. Мари не жаловалась, но невооруженным глазом было видно, как ей тяжело, так что и я, и Альфред старались приходить и помогать в свободное время. Дверь, соединяющая столовую с садом, открылась, и показался блондин с большим ящиком для инструментов в руках.

— Мари. Я закончил чинить курятник.

— Ох-ох! Уже закончил! Спасибо, Ал! Ты нас просто спас. Замечательно, что курочки хорошо себя чувствуют, но уж слишком они себя хорошо чувствуют, если ломают ограждение. Столько хлопот от них... — Мари надула губы, приложив ладонь к щеке, и пожала плечами. Это выглядело так мило, что я улыбнулся.

— Хорошо поработал, Альфред. У нас есть сладости. Будешь?

— Буду.

Он подошёл, и я взял одно большое бобовое печенье, чтобы передать ему. А тот нагло его зажевал, прямо из руки. Вот же ленивый паразит. После чего он схватил мою же чашку с чаем... и весь его выпил.

— А-а-а?! Э-эй, гад! Кто тебе разрешал пить чужой чай?!

— Я хотел пить.

— Если ты хотел пить, это не значит, что надо выпивать мой чай! Нужно было сесть и подождать, пока тебе нальют свой!

— Хе-хе...

Когда я посмотрел на рассмеявшуюся Мари, она всё ещё продолжала улыбаться, глядя в нашу сторону, и её яблочные щеки покраснелись.

— Го-госпожа Мари?

— Ах, прости. Я рассмеялась... Но, почему-то... Мне так радостно...

— Р-радостно?

— Да. Подумала, как же это замечательно...

— Замечательно?

— Да. Я должна быть очень и очень благодарна Богине за заботу...

Сказав это, Мари прикрыла глаза и сложила маленькие ладошки перед грудью. Потом, медленно открыв глаза, посмотрела сначала на меня, а затем на Альфреда, прищурилась и улыбнулась.

— Хе-хе. Взамен я приготовлю вам ещё более вкусный чай! Пожалуйста, подождите немного, господин Лиан. Ал, ты тоже, сядь и подожди.

Мари поднялась и радостно убежала на кухню. Я не совсем понимал, что она хотела сказать, но подумал, что если Мари довольна, то всё было хорошо. Хотя я ничего не понимал. У Альфреда, которого с Мари связывали более давние отношения, тоже было непередаваемое выражение лица.

Я посмотрел на белокурую голову и похлопал по стоявшему рядом стулу.

— Ну же, Альфред. Как тебе и сказали, присядь и спокойно подожди. Можешь пока вдоволь насладиться сладостями.

Одна золотистая бровь приподнялась. Кажется, он заметил мою маленькую месть... нет, то есть, замечание взрослого умного человека. Я ведь был старше его. Психологически!

Как взрослый человек, я не сердился на подобные мелочи. Да, именно так. Например, на то, что этот паразит взял и выпил мой чай. Не думал ни капельки, что в следующий раз я просто выпью его чай!

— Не обращай со мной, как с ребёнком...

— Только дети пьют чужой чай.

Что, не можешь опровергнуть, да? Я, хихикая, снизу вверх смотрел на уставившегося на меня большого ребёнка... нет, я по-взрослому улыбался. Да, я почувствовал лёгкое удовлетворение. Альфред, пристально смотревший мне в лицо, почему-то... усмехнулся. Пока я обдумывал почему, он внезапно наклонился... и впился мне в губы.

— Мн!..

Затем облизал их и отстранился.

— Это по-взрослому?..

— Ду-...

Этот!.. С ним действительно ни на секунду бдительность ослаблять нельзя!

— Лицо... Ярко-красное.

— Заткнись, болван!

Передо мной стоял большой белокурый ребёнок с самодовольной улыбкой. Верно. Он был гораздо младше меня. Сопляк. На мой взгляд, ты оставался таким же ребёнком, как и остальная церковная малышня. Ты такой же, как они, балбес.

И всё же... иногда дети были слишком искренни... и слишком прямолинейны. Чем доставляли взрослым уйму проблем. Я вздохнул, посмотрел свысока, демонстрируя достоинство взрослого человека, не позволяющего себя недооценивать и облизывать, и изо всех сил шлёпнул по лбу Альфреда, который вновь приблизил к моему своё лицо, не выражающее ни малейшего раскаяния.